

В.Г. Чеботарева

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – "ГОСУДАРСТВА В ГОСУДАРСТВЕ"

Россия – "тюрьма народов" – это широко распространенное еще в дореволюционное время идеологическое клише прочно утвердилось в советской общественно-политической литературе. В годы пресловутой перестройки, на этапе систематического, целенаправленного разрушения основ СССР, этот набивший оскомину штамп был взят на вооружение лидерами неформальных движений. Массированная пропаганда псевдонаучных спекуляций по теме "Россия – тюрьма народов", страстные обвинения русского народа – "великодержавной, господствующей нации" – в пособничестве насилиям царизма, молчаливая, соглашательская позиция русской интеллигенции в разгуле острейшей антирусской пропаганды привели к жестокому, не знающему границ национализму в новых суверенных государствах, к национальной дискриминации русских и всех этнических россиян в Прибалтике, Закавказье, Центральной Азии.

Образ "тюрьмы народов", последовательно внедрявшийся в общественное сознание, и сегодня оказывает немалое влияние на идеологию разного рода политических движений, имеющих этническую окраску, и в самой России, и в бывших республиках СССР. Следовательно, вопрос о том, соответствует ли этот образ исторической действительности, остается актуальным и выходит за рамки более чем столетнего стереотипа "тюрьмы народов" требует беспристрастного и кропотливого рассмотрения фактических данных, а не эмоциональных дискуссий. Не претендуя на решение проблемы в целом, автор предпринял попытку обратиться к материалам, рассказывающим о судьбах немецких колонистов, прибывших в Россию по приглашению Екатерины II. Сам факт поселения иноземцев на российской территории должен напомнить читателю о том, что правительство империи никогда не склонялось к идее сделать страну русской, заселить ее русскими, вытеснив "инородцев". Все народы, волею истории оказавшиеся в пределах России, принимали подданство империи и имели право на покровительство и защиту государства. Отсутствие курса на русификацию страны хорошо видно на примере политики колонизации. В Новороссии поселялись не только русские, но и сербы, грузины, болгары, представители других народов. В Крым правительство переселяло из Турции христиан – греков и армян. На Кавказе были поселены десятки тысяч армян, выходцев из Турции и Ирана. Таким образом, решение Екатерины II осваивать незаселенные земли с помощью колонистов из Западной Европы вряд ли можно рассматривать как какой-то особый шаг в области национальной политики или признак германофильства правительства.

Несоответствие обширной территории и несметных природных богатств численности людских ресурсов – одно из главных противоречий социально-экономического развития России в XVIII в. Отмечая эту особенность, С.М. Соловьев писал: "Небольшое народонаселение разбрасывается в обширной стране, все более и более увеличивающейся пустынями. Рук не достает для дела... Земля дешева, работник дорог, его едва станет на удовлетворение первых нужд общества, о промышленном развитии нечего и думать по недостатку рук, государство осуждено оставаться земледельческим, сельским, бедным. Работник дорог, его приманивают и переманивают; наконец... прикрепляют к земле. Крепостной работник бежит, его продолжают переманивать, укрывать, засылать подальше, где бы его не нашли; владельцы бежавших вопят, требуют помощи правительства в поиске беглых, и Россия представляет любопытное зрелище гоньбы за человеком, за рабочею силою, стремления приобрести, поймать, усадить, прикрепить работника"¹.

Крепостное право установило полную зависимость сельского населения от поме-

щика. Острый дефицит рабочей силы побуждает правительство искать выход в колонизации пустынных земель. При Елизавете Петровне намечаются направления колонизации обширных территорий в бассейне Оки, верхней и средней Волги. Одним из первых указов Екатерины II был Манифест от 4 декабря 1762 г., приглашавший иностранцев в степные районы Российской империи. Но в документе не разъяснялось, на каких условиях предлагается переселение, и 22 июля 1763 г. Екатерина издает новый Манифест, текст которого публикуется в переводе на европейские языки и широко рекламируется российскими представительствами в Германии, Швеции, Голландии и других странах.

Манифест предлагал льготные условия: переезд за счет русского правительства; свободный выбор места поселения; "свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно"; строительство церквей, "имея потребное число при том Пасторов и прочих церковнослужителей..."; освобождение на 30 лет от податей, налогов и постоев, обязательной государственной службы; беспроцентная ссуда на строительство домов, приобретение скота, инструментов с уплатой через 10 лет; "внутренняя юрисдикция" с обязательством правительства: "Наши начальники во внутренних распорядках никакого участия иметь не будут"; освобождение от пошлин и платежей торгов и ярмарок; разрешение промышленникам приобретать рабочую силу; "позволяем покупать надлежащее число к... мануфактурам, фабрикам и заводам крепостных людей и крестьян"²; освобождение от рекрутской повинности.

Все указанные льготы были обещаны не только самим переселенцам, но и их потомкам. На этом милости императрицы не кончались: "Ежели же некоторые из чужестранных... еще других, сверх предписанных кондиций и привилегий востребуют, то о том могут они в учрежденную Нашу Канцелярию опекунства иностранных письменно или персонально адресоваться... Мы тогда... решение учиним, какого они от Нашего праводущия надеяться могут"³.

В Манифесте Екатерина четко определила гражданский статус переселенцев: каждый иностранец, заявивший о "решительном своем намерении" поселиться на свободных землях для хлебопашества или записаться в купечество, обязан "учинить по вере своей и обрядам обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу...". Если иностранец отказывался присягать на подданство императрице, он без всякого обжалования выдворялся за пределы империи. Позднее, когда в российском законодательстве утвердилось понятие гражданства, в "Уставе о колониях иностранцев в Империи" (1857 г.) была дана дефиниция: "Колонистам и их потомству предоставляются права гражданства не только в их колониях, но и по всей Империи" (Ст. 124)⁴.

Возможность бесплатного получения в вечное потомственное владение земли воодушевила тысячи обездоленных жителей германских княжеств. К эмиграции побуждали социально-экономические причины. Только что разрушительным вихрем пронеслась по европейским странам Семилетняя война, и по дорогам бродили тысячи нищих солдат, потерявших службу, ремесленников, разорившихся в ходе войны. В кризисном положении оказалось немецкое крестьянство. Конец XVIII в. – время интенсивного роста дворянского землевладения. Внедряя новую систему – севооборот, дворяне массами сгоняли крестьян с их собственной земли. В Мекленбурге за 27 лет – к 1782 г. помещики изгнали крестьян из 49 деревень⁵.

В немецкой деревне господствовали крепостнические порядки, произвол феодалов. В книге анонимного автора (1770 г.) описывается участь тех, кто обрабатывал землю: "В наше время земледелец – ...самая несчастная тварь, крестьяне-рабы... Приходишь в деревню, там дети бегают полунагими и с криком выпрашивают милостыню; родители едва имеют только несколько лохмотьев на теле, чтобы прикрыть свою наготу... их житницы пусты, их хижины каждую минуту грозят обрушиться, сами они имеют весьма жалкий вид"⁶.

Исчерпывающую характеристику крепостнических порядков в немецких княжествах дал Ф. Энгельс: крепостной крестьянин большую часть времени должен был работать на своего господина, выплачивать десятину, поборы, налоги в пользу князя,

военный налог, местные и общеимперские подати; он не мог "ни вступить в брак, ни умереть, без того чтобы господин не получил за это деньги"⁷. Общинные пастбища и леса, принадлежавшие крестьянам, были насильственно отобраны господином; и "не только собственность крестьянина, но и его личность и личность его жены и дочери были подчинены произволу господина. Господин пользовался правом первой ночи. Он мог в любой момент... бросить крестьянина в темницу, где того... ждали пытки... Он забивал крестьянина и на смерть и, если хотел, мог приказать обезглавить его"⁸. Выше упомянутый аноним, подчеркивая, что крестьянин должен "своею жизнью и кровью удовлетворять прихотям своего князя и его недостойных любимцев", задается вопросом, что несчастному делать, и отвечает: "*Самое разумное, самое справедливое – уйти из страны, недостойной хороших подданных и искать другую, где их ценят и ищут*"⁹.

И потянулись на Восток тысячи обездоленных из Гессена, Вюртемберга, Мекленбурга, Пфальца, Померании. Переманивание крестьян "вызывателями" Екатерины сопровождалось протестами немецких феодалов. Князь Голицын с имперскою любезностью разъярял им: "Русские комиссионеры, отправляют по большей части только подданных Эльзаса и Лотарингии, или *таких людей, которые изнывая у себя в крайней бедности и становясь бременем для своих сограждан, оказывают истинную услугу государству, покидая его и столько же освобождая его от них*"¹⁰.

Поток переселенцев был так велик, что за 6 лет – в 1767–1773 гг. – на Волге было образовано 104 колонии. Президент Канцелярии опекунства граф Г. Орлов докладывал императрице: землю получили 6433 семейств (23,1 тыс. человек); на государственные средства построили 4560 домов, 2086 амбаров, 1327 конюшен; приобрели 13,8 тыс. лошадей, более 12 тыс. крупного рогатого скота.

В распределении домов соблюдался определенный порядок: в первую очередь обеспечивались семейные люди; холостяков временно устраивали в семьях; тем, кому "труд упорный... был тошен", приходилось ждать. В отчете Канторы опекунства по этому поводу отмечалось: "нерадивые за непостоянство отданы в работники добropорядочных, и, следовательно... пока одни не женятся, а другие не исправятся, особых домов строить нет нужды"¹¹.

Все приволжские колонии были разделены при Екатерине II на 15 церковных приходов. Императрица внимательно следила за тем, чтобы верующим были созданы все условия для отправления веры. Одновременно с домами для колонистов строили храмы, здания для церковноприходских школ, дома для пасторов и патеров. К 1771 г. в колониях на Волге насчитывалось 12 кирх, столько же пасторских домов, 13 школ.

Колонии формировались цельными в территориальном отношении округами – окружностью в 60–70 верст; один – на территории будущей Самарской губернии – объединял 27 колоний; два других (на значительном расстоянии друг от друга) – на р. Караман – 9 колоний, на Волге и р. Тарлык – 16 колоний. Жители каждого округа были одного вероисповедания: католики, лютеране, меннониты селились отдельно друг от друга. В округе расселялись по 60–70 семейств. Каждой семье было даровано в потомственное пользование по 30 десятин земли: 15 пашенной, 5 для усадьбы, огорода, часть – про запас "для будущих детей, дабы оные, пришедши в возраст и женись, сами хозяевами быть могли"¹².

Делами колоний ведала "Канцелярия опекунства иностранных", которая, согласно выработанной ею Инструкции, обязана была заботиться, чтобы колонисты никакому "изнурению или тяготам подвергнуты не были" и чтобы каждый из них "по желанию своему скорее определение и удовольствие получил и тем прочие поощрены, а не отвращены были"¹³. На первые расходы Канцелярии было ассигновано 200 тыс. руб. – "пока более потребно будет". Деньги для Канцелярии предписывалось выдавать немедленно – "сколько когда требовано будет из всяких сборов какие бы на лицо не случились"¹⁴. Казна взяла на себя строительство храмов, домов для священников, содержание их, с жалованьем 180 руб. в год; священнослужителям

выделялись двойные земельные наделы, а общине вменялось в обязанность обрабатывать их пашню.

Екатерина II взяла под свой непосредственный контроль устройство колоний. Ее всеобъемлющая забота о переселенцах нашла отражение в многочисленных законодательных актах Сената. За Манифестом 1763 г. последовали установления: о невзыскании с колонистов пошлин (указы от 28 сентября 1764 г., 5 мая 1765 г.); льготы при рубке леса (31 января 1767 г.); о вознаграждении иностранцев, желающих вступить в военную службу (21 сентября 1764 г.); об устройстве аптек и установлении должности лекаря в колониях с жалованьем и субсидиями от казны (29 ноября 1763 г.) и многие другие, в том числе о выдаче денежных сумм на путевые издержки вызываемых в Россию пасторов и пасторов, а так же целый ряд постановлений о прирезке колонистам "недостающих земель".

Жизнь в колониях строилась в соответствии с Инструкцией для колонистов (1769 г.), в которой были расписаны по пунктам права и обязанности колонистов, их выборных руководителей. Екатерина нацеливала переселенцев на скромный образ жизни и трудолюбие, создание крепких самостоятельных хозяйств. Поскольку среди переселенцев оказалось немало прожигателей жизни, которые полученные на обустройство хозяйства деньги прокутили, или проиграли в карты, в Инструкции содержалась статья, запрещающая приобретение роскоши и неразумные траты: "Всякая роскошь поселянина в убожестве привести может, того ради на свадьбах, на крестинах и в других пиршествах должно начальство того смотреть, чтобы все умеренно и порядочно происходило, без всяких излишеств, и чтобы более десяти человек гостей на свадьбы не съезжалось, а подарков, доколе долгов своих казне не заплатят, отнюдь никаких не чинить; если кто сие преступит, то взискать штрафу два рубли"¹⁵. Инструкция категорически запрещала тунеядство и бродяжничество: "Никого бродить по колониям и просить милостыню и без дела шататься отнюдь не допускать, а определять всех таковых в работники к семействам, в противном случае за несмотрение начальники... наказаны будут"¹⁶.

Предоставляя переселенцам обширные земельные наделы в Поволжье, где уже имелись деревни с русским населением, Екатерина прекрасно понимала возможность конфликтов на национальной почве. Поэтому Инструкция предостерегала колонистов от возможных эксцессов и призвала быть рассудительными: во всех "ссорах с старыми жителями русскими и малороссиянами, так же и с калмыками, в разсуждении недовольного знания здешних нравов и языка, должны поселяне помощи требовать у своих окружных комиссаров, и при таковых разбирательствах поступать сколько возможно снисходительно и правосудно, не чиня ни малейших в требованиях своих излишеств, ибо от того дружелюбие у новых поселян с старыми жителями всего скорее возрасти может..."¹⁷.

Строгий контроль за расходованием средств, высокая требовательность к трудовым обязанностям и нравственным основам жизни имели следствием не только освоение целинных земель в Поволжье, но и формирование из различных этнических компонентов новых общностей, спаянных едиными религиозными верованиями. Русское правительство, писал историк А. Клаус, смогло "...разнородную смесь заграничных пришельцев, эти во многих случаях буйные, беспутные и всегда почти обнищавшие подонки всяких национальностей и культур, организовать в самом начале их поселения так, что, подчиняясь *установленной законом системе*, они путем нормального хода жизни и мирского самоуправления выработали... цветущие общины трудолюбивых земледельцев и промышленников"¹⁸.

Поволжские колонисты строили свои хозяйства на весьма льготных условиях. Но еще большие привилегии получили иностранцы, которых правительство направляло в юго-западные и южные губернии. Особыми милостями осыпала Екатерина II меннонитов, которые из-за религиозных притеснений вынуждены были искать убежища в России. Группа меннонитов явилась к правительству империи с просьбой разрешить поселения им основать на Днепре. Они обратились к императрице с "Просительными

статьями", в которых не было "просьб", а излагались условия, на которых они соглашались поселиться в империи: беспрепятственное отправление меннонитских обрядов; получение каждой семьей по 65 десятин удобной и 65 десятин неудобной земли; право на рыболовство на Днепре, подкрепленное запретом для других ловить рыбу в этих угодьях; 10-летнее освобождение от всех податей; вечное увольнение от повинностей: воинских обязанностей, постоев, предоставления подвод, казенных работ; право создавать промыслы, мануфактуры, беспрепятственно продавать получаемую продукцию без каких-либо податей; выдача каждому семейству ссуды в 500 руб. для обзаведения хозяйством сроком на 10 лет (возвращается в последующие 3 года без процентов); обеспечение необходимыми строительными материалами для возведения домов по "немецкому образцу", дубовым лесом для устройства мельниц; подача на границу для прибывающих переселенцев подвод и охраны для препровождения на место.

Меннониты позаботились и о потенциальных переселенцах; если и другие пожелают стать колонистами, то чтобы они одинаковыми "...пользовались правами и преимуществами и им дозволено было поселиться в тех прекрасных и плодоносных странах, которые депутатов их в удивление приводили, т.е. в Старом Крыму, Феодосии, Бакчисарае и прочих местах, где они сами пожелают и где земля еще не роздана..."¹⁹. "Просительные статьи" были приняты князем Потемкиным-Таврическим, а затем и Екатериной II.

В соответствии с правительственными инструкциями на местных жителей налагалась повинность – строить переселенцам дома и хозяйственные постройки. Это вызвало ропот местного населения – преимущественно государственных крестьян, и Канцелярия опекунов обратилась к Сенату с просьбой о помощи: немцев в юго-восточную Украину хлынуло такое множество, что не хватает рабочих рук, леса и других материалов для постройки домов. Сенат отвечивал: вместо деревянных домов нельзя ли делать мазанки? А главное – надо избегать "вредного наряда с уездов крестьян к работам: это может произвести в старых жителях крайнее негодование и ропот, разорить целые селы и деревни, и потому надобно исправляться наймом вольных работников"²⁰.

Подрядчики, строившие дома для переселенцев, нередко терпели большие убытки из-за непредвиденных расходов. Правительство, преследуя цели колонизации, не оставляли их в беде. В апреле 1807 г. генерал-адъютант Дюк де Ришелье докладывал в Государственный совет о двух подрядчиках, которые превысили стоимость работ, предусмотренных контрактом, и затратили лично принадлежавшие им средства, чем доведены до разорения. Дюк ходатайствовал о компенсации суммы – 28 130 руб. 63 коп. Госсовет принял исковую сумму за счет государства, учитывая, что прибытие большого числа переселенцев вызвало строительный бум, что в свою очередь повлекло резкое повышение стоимости строительства²¹.

Рабочая сила нужна была не только для возведения построек, но и для ведения хозяйства. При наделе в 65 десятин семейство даже в 10–12 человек не в состоянии было обойтись без батрацкого труда. Екатерина и в этом случае не оставила своих подопечных без внимания: граф А. Безбородко дает поручение "вызывателю" Траппе нанять "для меннонитов в Мекленбургских владениях значительное число батраков и служанок, а так же некоторых им в высшей степени необходимых ремесленников"²².

Предоставляя систему привилегии переселенцам, Екатерина не преминула в одном из своих указов подчеркнуть, что меры по колонизации российских территорий направлены "к единой общей совершенной пользе... Империи и Наших природных подданных", а не "к выгоде и удобству этих пришлых людей".

Наследник Екатерины – Павел I, перечеркнувший многие из предначертаний своей августейшей родительницы, не только продолжил политику наибольшего благоприятствования колонистам, но и развил ее дальше. Как писал исследователь истории колонизации А. Велицын, отношение Павла к немецким колонистам отличалось

"исключительно родительским попечением... Отческой, родственной нежностью проникнуты все мероприятия... правительства этого времени"²³.

Утвердив именованным указом все привилегии, дарованные Екатериной, Павел добавил новые льготы, восстановив государственную опеку. В 1782 г. в связи с организацией губерний Канцелярия и Контора опекунов были упразднены и колонии включены в общую систему управления. 30 июня 1787 г. император учреждает в Саратове "Контору опекунов иностранных" для "ближайшего и успешнейшего попечения и присмотра над всеми колониями иностранных...". Цель этой акции раскрывается в специальной инструкции, по которой Контора опекунов должна была наблюдать, чтобы не только "нынешняя земля, к колониям принадлежащие, охранены были от всяких незаконных притязаний, но чтоб на каждую душу... отмежевано было по 20 десятин..." на прибыльное население; судебные тяжбы между колонистами и между последними и местным населением – "российскими разного рода подданными" – должны были рассматриваться в присутствии представителей администрации Конторы опекунов; колонистам предоставлялась возможность подавать апелляции не в Сенат, как прочим подданным империи, а в Экспедицию государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства²⁴. Экспедиция докладывала суть дела непосредственно императору. Таким образом исключалось несправедливое рассмотрение жалоб колонистов бюрократами от российской юриспруденции.

Павел первым из русских царей позаботился о том, чтобы не ущемлялись национальные интересы немецких колонистов и в области делопроизводства. Вопреки известному установлению, что государственным языком в империи является русский, император обязал Контору опекунов приказания, посылаемые в колонии, писать на немецком языке "для вящего вразумления иностранных поселян"²⁵. Таким образом, немецкий язык, становясь языком официального делопроизводства, получил статус государственного языка. По этому поводу один из исследователей саркастически заметил: "В русском государстве нашлись новые подданные, которые затруднялись понимать государственный язык их нового отечества, и наше правительство с полной готовностью предписывает своим органам употреблять в сношениях с этими чужеземцами язык их родного фатерлянда"²⁶. Русский язык не мог быть языком делопроизводства в колониях по той простой причине, что русский не преподавался в немецких профессиональных школах вплоть до 80-х годов XIX в. и колонисты, как правило, русским языком не владели.

При Павле I в немецких колониях закрываются все питейные заведения, потому что было замечено: "колонисты становятся менее домовиты и дворы их хуже устроены". Кабаки было приказано перенести в русские деревни – за обитателей этих селений правительство не опасалось.

Если при Екатерине в Россию прибывали в основном бедняки, нередко люмпены, за исключением меннонитов – как правило, зажиточных людей, то при Александре I принимаются меры к ограничению потока неимущих: с 1810 г. прекращается выдача пособий для переселения. В империю, преимущественно в южные губернии, стали прибывать богатые, предприимчивые знатоки садоводства, виноградарства, животноводства и т.д. Новые колонисты получали на семью по 60 десятин земли.

Уже к концу царствования Екатерины II миновали те 30 лет, на которые колонистам была предоставлена ссуда на обзаведение хозяйством. Пришло время возвращать долги, платить налоги, которыми облагалось все население империи. Указом от 18 декабря 1808 г. колонисты были уравнены с крестьянами в отношении уплаты податей, но возвращать суммы, взятые их родителями, не хотели. В правительственных документах неоднократно отмечалось, что колонисты разбогатели, но возвращать долг не желают. Колонисты Новороссийского края должны были государству 5 млн. 76 тыс. руб. и 10,4 тыс. червонцев. Чтобы облегчить им эти "тяготы", правительство принимает решение: простить часть долга – 1 млн. 160 тыс. руб.

и 10,4 тыс. червонцев, а остальные 3,9 млн. руб. взыскать²⁷. Дело об уплате долга тянулось еще много лет.

К середине XIX в. в России существовали уже крупные анклавы немецкого населения. Оно было сосредоточено в основном в округах: Таврическая губерния – Молочанский меннонитский, Молочанский колонистский, Бердянский, Крымский; Херсонская губерния – Либентальский, Кучурганский, Березанский, Глюкстальский; Екатеринославская губерния – Хортицкий меннонитский, Иозефстальский, Мариупольский; Черниговская губерния – Родичевский меннонитский; Бессарабская обл. – Малоярославецкий, Саратовский, Клястицкий.

Округа – сплошные массивы земельных владений колонистов – в комплексе представляли собой "государства в государстве": со своим управлением, особой внутренней юрисдикцией, делопроизводством на родном языке, национальной школой, своей церковью или молитвенным домом, с иерархией священнослужителей. В 1841 г. на юге России существовало 286 колоний, население которых составляло 158,3 тыс. человек. В колониях насчитывалось 169 храмов и молитвенных домов, 189 школ, где обучалось 18,6 тыс. детей²⁸. Все дети в обязательном порядке проходили школьный курс: неграмотных среди колонистов не было.

К этому времени в руках колонистов были сосредоточены крупные земельные наделы: в Саратовской губернии им принадлежало 214,8 тыс. десятин по 15 десятин на душу населения; в Самарской губернии – 656 тыс. десятин по 30–65 десятин на душу; в Херсонской губернии – 154,3 тыс. десятин (по 60 десятин на семью); в Таврической губернии – 201 тыс. десятин (по 60 десятин на семью). Общая площадь колонистских наделов составляла по неполным данным 1,4 млн. десятин²⁹.

Рост колонистского земледелия в значительной мере был обусловлен протекционистской налоговой политикой правительства. Если крепостной крестьянин платил непомерные налоги и подати и при всем трудолюбии не мог вырваться из порочного круга нищеты, то немец-колонист государственными налогами обременен не был. По данным 1841 г. доходы колонистов Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Черниговской губерний и Бессарабской обл. составляли: от продажи хлеба – 405,5 тыс. руб. серебром, продажи скота – 538 тыс., другой продукции – 230 тыс., всего – 1 млн. 173,5 тыс. руб. Подлежало к уплате налогов – 279,1 тыс. руб.³⁰

Среди немцев сформировалась прослойка крупных латифундистов. В Таврической губернии одним из самых богатых людей слыли: И. Корнис – около 6 тыс. десятин; Мартенс – 3,7 тыс., Винц, Шредер, Петерс – по 3 тыс. Из 20,5 тыс. семейств, проживавших в 40-х годах XIX в. на юге 3,3 тыс. не имели земли, занимались ремеслами или на правах родственников помогали вести хозяйство³¹.

Обширные регионы, в которых проживало преимущественно немецкое население, сам факт этой моноэтничности производили сильное впечатление на путешественников, особенно из Германии. Пастор Дальтон, побывавший в России в 1862 г., писал, что в империи нет губернии, где бы не было немцев, а в некоторых местностях их так много и они представляют собой до такой степени господствующее население, что в течение многих дней пути "...неволью считаешь, себя переселившимся в милую немецкую родину... Всюду там встречаешь только немецкую речь, только немецкие обычаи, немецкий строй жизни"³².

Это были цветущие селения. Очевидцы оставили нам восторженные описания немецких колоний. А.М. Егоров, управляющий одним из помещичьих имений, так описывает меннонитскую колонию Старые немецкие колонии (Самарская губерния): "Проезжая летом Немецкими колонками чувствуешь себя совершенно в ином свете и иной сфере; сразу бросаются в глаза прекрасно расположенные здания... высоко растущие хлеба и отлично обработанные поля. Куда ни взглянешь... зеленеют сады и пестреют цветники... везде проглядывает чистота и опрятность... во всем видна аккуратность и расчетливость хозяина... меньше трудиться для общего блага семьи, где каждый член, привыкая к труду с ранних лет, имеет свои определенные занятия"³³. Для нас особенно ценно замечание А. Егорова об абсолютной автономности колонии.

Меннониты, – с восхищением констатирует он, – обставили себя прочно, совершенно особняком от русских сельских обществ; они не пользуются ничем со стороны, ни у кого не одалживаются, у них все свое сосредоточено в центральной Александертальской колонии: там богатая кирха, свое волостное управление, большой магазин, мукомольные и крупитчатые мельницы, аптека, приемная врача, мастерские столярные, плотничьи, сапожные и т.д. "Во всем обществе царствуют тишина и порядок"³⁴.

Освобождение крестьян от крепостного права в 1861 г., введение новых административных и судебных учреждений, судебных уставов не могло не коснуться колонистов. 4 июня 1871 г. был принят специальный закон "Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)". Согласно правительственному установлению, колонисты получили новый статус – поселане-собственники; в административном и судебном отношениях они были причислены к разряду освобожденных от крепостничества крестьян – крестьян-собственников. Этот же закон закреплял традиционную обособленность колонистов от русского и иного национального окружения: немецкие округа были преобразованы в волости, управление которыми было сосредоточено в руках самих же бывших колонистов; селения, которые по дальности расстояния не могли войти в состав немецких волостей, составляли особую волость, если их население насчитывало 300 человек.

По новому закону каждое общество бывших колонистов получало на отведенную им землю крепостной акт – владенную запись с правом распоряжаться землей по своему усмотрению: оно могло разделить землю на подворные участки, выделить их в полную собственность отдельных хозяев, и распределить на каждого оброчную подать. Обществу и отдельным хозяевам предоставлялось право в течение трех лет отчуждать свою землю, но только членам своей общины³⁵. (До 1871 г. колонист не имел права продавать, сдавать в аренду свой надел, дробить его между наследниками: господствовало право минората – землю наследовал младший сын).

Закон 1871 г. оставил в собственности колонистов различные угодья "запасные", или так называемые "овчарные земли" (на них предполагалось пасти скот), садовые, лесные и прочие участки. "Овчарные земли" задолго до указанного закона отдавались обществами в аренду, что приносило крупные доходы. По данным 1867 г. в Херсонской губернии было 3380 десятин таких земель, в Екатеринославской 6407, Таврической – 15 293 десятины³⁶. Средства, получаемые от аренды, тратились на покупку участков для безземельных членов колоний, при этом общество требовало от ошестуленного сородича возврата потраченного капитала с процентами. Доходы от сдачи в аренду и от уплаты указанных процентов способствовали накоплению в колониях огромных общественных сумм. Этот фонд позволил колониям поднять цену на землю и соседние крестьяне – малороссы и великороссы – не могли конкурировать с немцами. Так экономика постепенно переходила в плоскость национальных отношений.

Чтобы получить представление о том, как росли "овчарные капиталы", приведем сведения по Одесскому уезду. Колонисты имели здесь 4 тыс. десятин "овчарной земли" и ежегодно получали от сдачи их в аренду около 60 тыс. руб. Пуская в оборот этот капитал, из 10–12%, через несколько лет получали 0,5 млн. руб. – огромную по тем временам сумму³⁷. На полученные средства приобретались новые земельные участки.

О росте немецкого землевладения в южных губерниях России, где колонисты имели "овчарные земли" (в Поволжье их не было), свидетельствуют данные Херсонской губернии. С 1843 по 1895 гг. число колоний здесь увеличилось с 42 до 150; до начала 90-х годов в собственности колонистов находилось 186 тыс. десятин земли; к этому они прикупили в 1895 г. более 500 тыс., арендовали около 300 тыс. десятин. В результате в их руках фактически оказалось почти 25% всех удобных земель губернии³⁸. Коренное население в местах образования новых колоний практически исчезло: часть ушла в Туркестан и в Сибирь, другая пополнила ряды рабочего класса в центрах развивающейся промышленности. Характеризуя этот процесс, Екатеринославское земство констатировало (1890 г.): землевладельцы (которых по

старой памяти продолжали именовать немецкими колонистами) с каждым годом все больше и больше скупают крестьянские и помещичьи земли и, окружив своими владениями русские села, ставят последние в безвыходное положение. Немцы не сдают своих земель в аренду русским крестьянам; окруженным немецкими владениями остается или искать возможность для переселения или из самостоятельных хозяйств становиться батраками у тех же немцев³⁹.

По мере развития капиталистических отношений усиливалось немецкое землевладение, особенно на юге России. Новые приобретения бывшие колонисты делали в основном за счет скупки земель русских помещиков. В 1896–1905 гг. разоряющиеся дворяне Херсонской губернии продали 352,8 тыс. десятин земли, из которых к немцам перешло 125 тыс.⁴⁰

Немецкое землевладение росло и в западных регионах империи. После польского восстания 1863–1864 гг. правительство открыло Польшу для предприимчивости немцев. Правилами от 18 декабря 1865 г. немецкие переселенцы освобождались в западном крае от всех денежных и натуральных повинностей на 5 лет; постановлениями от 10 июля и 10 декабря 1865 г. правительство запретило полякам и евреям покупать земли в западных губерниях, но разрешило это русским и немцам. Последним были, как всегда, предоставлены льготы: денежные ссуды для покупки польских земель, освобождение от купчих пошлин; на льготных условиях раздавались немцам и конфискованные польские имения.

Эти и другие привилегии обусловили бурный рост немецких поселений в Киевской, Волынской и Подольской губерниях: если в 1840 г. там насчитывалось всего 14 немецких колоний, в 1861 г. – 35, то в 1871 г. – 221, в которых проживало 27 тыс. человек. Через 20 лет – в 1881 г. – численность немцев в юго-западном крае превышала 103 тыс. человек; площадь их земельных владений равнялась 552 тыс. десятин⁴¹.

Новые перспективы для увеличения земельной собственности бывших колонистов – поселян-собственников открыла столыпинская реформа, закон от 14 июня 1910 г., – как заверяла официальная пресса, – был призван облегчить экономическое освобождение крестьян. По реформе 1861 г. крестьянину было предоставлено право получить от помещика в свое пользование надел – 5–5,5 десятин на ревизскую душу. По соглашению с помещиком он мог выкупить этот надел на собственные средства или за счет ссуды у правительства с погашением в течение 49 лет при 6% годовых. Но выкупные платежи оказались непосильными, так как "освобожденный" крестьянин по-прежнему нес многочисленные повинности: подушную подать, "отмененную" в 1883 г., рекрутскую повинность с ее каторжным 25-летним сроком службы (отменили только через 14 лет после реформы). Податное бремя всей тяжестью лежало на крестьянах. Наделы были так малы и так обременены платежами и повинностями, что крестьянин нередко был вынужден бросать землю и уходить на заработки в город или наниматься в батраки.

В ходе столыпинской реформы расширилась продажа бывшей наделной земли; бедняки по низкой стоимости продавали зажиточным хозяевам свои наделы, сельская буржуазия стремительно богатели. Под влиянием товарно-денежных отношений шел интенсивный процесс социального расслоения крестьянства. Политические последствия реформы были очевидны для правительства, и в 1910 г. оно предоставило возможность крестьянину купить без оплаты пошлины землю в 6 наделов, т.е. 30 десятин.

Но закон был настолько несовершенен, что при его толковании сознательно допускалось отождествление крестьянина-собственника, освобожденного от крепостничества, с поселянином-собственником – бывшим колонистом. Немцы стали претендовать, – и с успехом, – на все льготы, установленные законом от 14 июня 1910 г. для крестьян.

Это привело к результатам, возмущившим российскую общественность. Крестьянин мог получить наделной земли только до 33 десятин, а немец, исходя из 60 десятин,

которыми владела среднестатистическая семья в Херсонской губернии, – 360 десятин. При оценке земли по 300 руб. за десятину крестьянин освобождался от уплаты крепостной пошлыны в 400 руб., а немец – в 7200 руб.⁴².

Член Одесского окружного суда С. Шелухин, выявивший эту подмену понятий законниками, гневно вопрошал: "По каким основаниям и государственным соображениям немец-колонист, всю свою жизнь пользовавшийся от государства всяческими льготами, поблажками и привилегиями за счет коренного населения, не только вполне обеспеченный, но богатый, наделенный таким количеством надельной земли (60 десятин), какого крестьянин, несший перед государством все повинности и тяготы, никогда не имел... может пользоваться превышающими привилегиями, дарованными нуждающимся крестьянам? Почему колонист вправе приобрести 360 десятин надельной земли, а крестьянин – только 33 десятины. Почему немец-колонист может скупать крестьянские наделы, а крестьянин лишен права купить даже $\frac{3}{4}$ немецкого надела, так как этот надел превышает максимальную норму, дозволенную для крестьян Законом 14 июня в ст. 56?"⁴³.

С. Шелухин делает весьма знаменательный вывод: закон имел целью помочь крестьянам – бывшим крепостным – купить землю, а на самом деле облегчил возможность "обезземеливания" крестьян немецкими колонистами, которые, скупив помещичьи земли,.. принялись уже за скупку и крестьянской надельной земли". Подчеркивая антикрестьянский характер нового закона, автор делает акцент на национальном аспекте проблемы: указанный акт отнимает у крестьян – малороссов и великороссов – принадлежавшее им право на покупку надельной земли от немцев – бывших колонистов и предоставляет последним право обезземеливания крестьянской массы, которого немцы до издания закона 14 июня 1910 г. не имели. Сравнительно небольшая, превосходно обеспеченная и в большинстве своем очень богатая группа немцев-колонистов получила "новую величайшую привилегию к еще большему обогащению за счет крестьянского населения"⁴⁴.

С. Шелухину вторил И. Сергеев: "Претензия немцев-колонистов на привилегии и льготы, установленные законом для бывших крестьян, совершенно была неосновательна уже потому, что они не только были раньше крестьянами, но сами в некоторых случаях могли иметь крестьян"⁴⁵.

У освобожденных реформой 1861 г. русских крестьян не было финансовых средств для скупки земли, а у немцев-"колонистов" (как их продолжали называть) – не только "овчарные капиталы", но и банки Германии, которые охотно ссужали свои средства для приобретения земли бывшими колонистами. В результате в Херсонской губернии на одну крестьянскую душу приходилась в среднем 1 десятина, а на немецкого поселенина-собственника – 90 десятин (1910 г.)⁴⁶. Составляя всего 6% земледельческого населения Херсонщины, немцы к 1913 г. владели одной третью всех земель. 135 тыс. немцев скупили земли больше, чем 2 млн. крестьян. В Одесском уезде из 855 тыс. десятин принадлежало надельной земли: русским и украинским крестьянам – 108 тыс. десятин, а немцам – 128,9 тыс.; крестьяне прикупили около 24 тыс. десятин, а немцы – 193 тыс. В результате у крестьян было 132 тыс. десятин, а у немцев – 321,9 тыс., т.е. в полтора раза больше⁴⁷.

Аналогичные тенденции наблюдались и в других регионах. В Новоузенском уезде Самарской губернии крупные земельные владения были сосредоточены в руках меннонитов, переселившихся сюда в 1854–1856 гг. Через 20 лет на один их надельный двор приходилось по 93 десятины земли, у государственных крестьян – около 30, крестьян, выкупивших землю у помещиков, – 14 десятин. В 1874 г. каждое меннонитское хозяйство имело в пять раз больше земли, чем хозяйство русского крестьянина⁴⁸.

Рост колонистского землевладения в значительной степени достигался за счет эксплуатации дешевого наемного труда. Подавляющая часть обедневших крестьян, проживавших по соседству с колонистами, шла к ним в батраки. В Самарском уезде на каждого меннонитского хозяина в среднем трудилось по четыре работника, а в менно-

нитских колониях южных губерний – по 15–20 тыс. украинцев и русских. В сезонную пору – с марта по октябрь – число наемных рабочих возрастало до 40 тыс.⁴⁹

Труд поденщика оплачивался по низкой ставке – по 120–150 руб. в год; чтобы понять значение этой суммы, отметим, что лошадь в то время можно было купить за 200–300 руб. Как писал крупный землевладелец И. Корнис, поденная плата определялась временем и видом сезонных работ, зависела от степени силы, искусства и проворства в работе поденщика. При этом учитывалось и безропотное повиновение⁵⁰. "Иначе с этим народом нельзя", – говорили строгие работодатели.

В пореформенное время недостатка в батрацком, чрезвычайно дешевом труде не было. Ничтожный размер хозяйства, находившегося в упадке, тягость податей и повинностей вынуждали крестьянина идти в поденщики, батраки, чернорабочие. В 70-х годах в черноземных губерниях чистый доход с крестьянского надела был в 1,5–3 раза меньше установленных платежей, а в нечерноземных – в 2–6 раз⁵¹. Разорение крестьянских хозяйств вызывали и неурожаи 80-х годов, эпидемия холеры в 1892 г. После неурожайных лет число крестьян, ушедших на заработки, резко возросло: в 46 губерниях четверть населения не имела земли, около 60% уходило на заработки в южные губернии, в Сибирь. В 1899 г. из 100 мужчин оставляли свои наделы и нанимались в батраки: в Курской губернии – 54 человека, в Рязанской – 58, Воронежской – 62, Тверской – 70, Московской – 80, Санкт-Петербургской – 83, Смоленской – 91 человек⁵².

Массовое обезземеливание и разорение русского крестьянства было следствием вековых крепостнических отношений в деревне, интенсивно развивающихся тенденций капитализма. В.И. Ленин в труде "Развитие капитализма в России" так характеризовал этот период российской истории: общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено современное русское крестьянство, есть товарное хозяйство, крестьянин подчинен рынку; как всякому товарному хозяйству ему свойственны: конкуренция, борьба за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли, покупаемой и арендуемой, сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его торговым капиталом и наймом батраков⁵³.

Немецкие колонии юга и юго-запада России, Поволжья и Сибири так же, как и хозяйства русских зажиточных крестьян, которых народ метко окрестил кулаками, втягиваясь в общероссийский товарно-денежный товарооборот, со всей свойственной им предприимчивостью ринулись в процесс "первоначального накопления" капитала. Крупные хозяйства превращались из натуральных в торговые, специализируясь на производстве преимущественно одного продукта: зерна, свеклы, винных изделий, молочных продуктов и т.д. Хозяином колонии становился собственник вчера еще строго ограниченного надела; капитал, накопленный в пореформенное время, он приумножил торговыми, иногда ростовщическими операциями, направил его на покупку и аренду земли, организуя свое хозяйство с применением наемного труда, в основном русских и украинских крестьян. Процесс обезземеливания захватывает в свое русло и немецких колонистов – более удачливые сородичи скупали и их земли.

На рубеже XIX–XX вв. русское общество переживало мучительную стадию развития не только с точки зрения экономического кризиса, но и в плане национальной психологии: разоряющиеся крестьяне толпами уходили в город, чтобы влиться в состав промышленных рабочих или надрываться непосильным трудом на плантациях землевладельцев; помещики, получив откупные по реформе 1861 г., хозяйствовать не умели, да и не хотели; покорные злосчастной привычке вести праздный образ жизни, они проматывали полученные от правительства в качестве выкупных платежей деньги, закладывали, перезакладывали, а потом продавали имения; покупателями становились молодые, предприимчивые промышленники, новые землевладельцы, в том числе немцы. Деморализованные всей системой вековых крепостнических отношений, дворяне уходили с исторической сцены, оплакивая трагическую участь своего сословия.

И если ученые-экономисты на основе анализа земской статистики приходят к выводу, что разорение помещичьего сословия есть результат развития товарно-денежных отношений, то русская либеральная пресса свои поиски ограничивает сферой национальных отношений. Шовинистически настроенные писатели делают сенсационное открытие: немец-колонист, немец-помещик скупает землю, обильно политую русской кровью; на смену русскому помещику – носителю высокой духовной культуры – в русскую деревню приходит необразованный прагматик – немец-колонист! Общественности становятся известны "ошеломляющие" факты: численность немецких колоний в России достигла более 3 тыс., в южных, юго-западных колониях им принадлежит около 7 млн. десятин земли, не считая владений в Сибири, на Кавказе, в Туркестане. Идеологи шовинистического толка вдруг как-то обратили внимание на то, что на двух русских министров в правительстве приходится 12 нерусских, из которых 8 – немцы; поняли, что в России "немецкое правительство" и в патриотическом рвении стали требовать: "Русский царь и русское правительство должны быть таковыми не по названию, а по крови и духу!"⁵⁴.

Накануне первой мировой войны европейские страны – Англию, Францию, Австрию, Германию и Россию – захлестывает волна великодержавного шовинизма. Германская и российская пресса соревнуются в нагнетании воинственного национализма; Пангерманский союз ведет массивную пропаганду идей пангерманизма ("Германский дух ищет мирового пространства") и готовит население страны к войне за передел мира; российские идеологи, пытаясь прикрыть деградацию царской монархии, ее провалы во внутренней политике, ведут поиск "внутреннего врага" и находят его в немецких "колонистах" – гражданах России, живущих уже в 3–4-м поколении в империи, в колонистах, которые традиционно политикой не занимались и в государственные дела не вмешивались. В газетах и журналах, в специальных монографиях и брошюрах немцев обвиняют в "тайном захвате" России, в "мирном ее завоевании", приводятся многочисленные примеры "враждебного отношения" к русским, к русской культуре, разрушения "нравственных основ жизни" немецкими проповедниками штундизма; в немцах видят потенциальных пособников германских разведывательных служб, и тайная полиция организует черносотенные погромы в Москве, на юге Украины⁵⁵.

Главная причина националистической травли крылась в том, что на фронтах войны Россия терпела позорное, унижительное поражение. С началом военных действий для всех стало очевидным, что, несмотря на заверения некоторых руководителей военного ведомства, страна не готова к войне: не хватало винтовок, патронов к ним, пули нередко не подходили по калибру, обмундирование солдат не отвечало элементарным требованиям. Голодные, разутые, страдающие и умирающие от инфекций – неизменных спутников всех войн – солдаты тысячами гибли под натиском хорошо вооруженного противника. Император Николай II имел ясное представление о низкой боеспособности своей армии. Его переписка с Вильгельмом II свидетельствует: царь буквально умолял кузена Вилли предотвратить военное противостояние. Но этого не знали или не хотели знать "наймиты пера": виновников сокрушительного поражения на фронтах ищут и находят среди "инородцев" империи. Как метко выразил один из депутатов Думы, организаторы антинемецкой истерии, травли российских немцев "пытались остановить наступление германских войск... дешевыми, эффектными выступлениями" на страницах газет⁵⁶.

В дни, когда на германском фронте шли кровопролитные бои, патриотическое общество "За Россию" обратилось к Думе и членам Государственного Совета с требованием: запретить по примеру Англии и Франции торговую деятельность немцев, а их имущество секвестровать; австро-германское землевладение ликвидировать, австрийцев и подданных Германии выслать из империи. Если требование о секвестре имущества и депортации граждан противника соответствовали законам военного времени, то предложения, касающиеся потомков немецких колонистов, нельзя было расценивать иначе, как проявление агрессивного национализма. В обращении к

руководителям министерств общество "За Россию" выдвинуло ультиматум: усилить борьбу с "земельным и торгово-промышленным немецким засильем", передать в распоряжение русских крестьян все без исключения земли колонистов. Таким образом, австрийские и германские подданные и российские немцы рассматривались руководителями отечественной безопасности в едином контексте.

Правительство не могло игнорировать настроений общественности. В 1915–1917 гг. принимаются законы об ограничении землепользования "австрийских и германских выходцев", в том числе российских немцев; из западной приграничной территории депортируются в Сибирь 200 тыс. волынских немцев; в целях освобождения "от немецкого влияния во всех областях народной жизни Государства Российского" учреждается Особый комитет по борьбе с немецким засильем; император утверждает Положение Совета министров "О воспреещении преподавания на немецком языке", по которому преподавание во всех учебных заведениях немецкой диаспоры, в том числе на богословском факультете Юрьевского университета, кроме Закона Божьего, переводилось на русский язык⁵⁷.

Общество "17 июля 1915 г." в своих патриотических устремлениях пошло еще дальше, предложив Думе заключить в концентрационные лагеря отдаленных губерний всех немцев и лиц германского и австрийского подданства. Но это требование, к счастью, выполнено не было. Хотя под давлением обстоятельств военного времени правительство могло пойти и на эту жестокую акцию. В конце 1914 – начале 1915 г. газеты пестрели публикациями об издевательствах, которым были подвергнуты российские подданные, в том числе и представители высшего света, дипломатические работники, оказавшиеся в Германии в первые дни войны. Еще накануне разрыва отношений с Россией, правительство Германии организовало дезинформацию своего населения: распространялись слухи, листовки, утверждавшие, что страна – райх – наводнена русскими шпионами, граждан призывали выполнить свой долг и содействовать поимке шпионов. В первые же дни военных действий возбужденные толпы нападали на русских, возвращавшихся с германских курортов, сотрудников российских представительств. Сотни жертв русофобии, разжигаемой полицейскими чинами, оказались в тюрьмах, где их морили голодом, избивали, женщин насиловала солдатня. Вскрывая политическую подоплеку этой "тактики" А.С. Резанов, автор книги "Немецкие зверства", в которой были собраны факты их бесчинств, писал: "Высшее руководство германской армии прекрасно сознавало, как трудно будет им осуществить мобилизацию, а потому, подобно Нерону, обвинявшему для возбуждения народной ярости христиан в поджоге Рима, отдало с той же целью русских путешественников во власть разъяренной толпы и разнузданных солдат". Резанов пришел к выводу, что издевательства над подданными России "входили в систему мобилизационного плана, заранее разработанного немецким командованием, так как население, в особенности могущественная германская социал-демократия, не желало войны и немецким властям нужно было всячески зажечь толпу, чтобы вызвать ненависть к русским"⁵⁸. Так политики, развязавшие мировую бойню, во имя достижения своих империалистических целей натравливали народы друг на друга, используя примитивные методы воздействия на психологию и чувства людей.

Что касается предложения русских "патриотов" загнать российских немцев в концентрационные лагеря (которых у России тогда не было), то в этом случае правительство могло опереться на прецедент, созданный русофобами Австро-Венгрии в описываемый период: недалеко от г. Граца был организован концентрационный лагерь для геноцида над мирным населением Карпатского региона, отстаивавшего свое этническое право оставаться русскими. Население всех русских деревень было согнано в концлагерь, где их подвергали изошренным издевательствам и казням. Люди Галицкой Руси "гибли за победу русской правды, за русское сердце... за русскую песню и читальню, за свободу, за освобождение прикарпатских народов от национального гнета и порабощения"⁵⁹.

Следует отдать должное правительству Российской империи: оно не поддалось на

провокации националистов и не развернуло строительство концлагерей в Сибири для российских немцев. Следует отдать должное и прогрессивной общественности России, которая понимала, что организаторы погромов сидят в Министерстве внутренних дел. "Все русское общество, – писал Е. Горец, – осуждало эти погромы"⁶⁰. Депутат Государственной Думы В.В. Шульгин писал в своих мемуарах, что "борьбу с немецким засильем" он считал дурацко-опасным занятием: «Я пробовал бороться с этим и даже в печати указывал... что нельзя всякого немца в России считать шпионом только потому, что он немец... Меня прекрасно поняли, и тем не менее изругали с "Новым временем" во главе»⁶¹.

Первая мировая война с ее неисчислимыми бедствиями и несчастьями для всех народов положила предел благополучию российских немцев, открыла новую – трагическую – страницу их истории. Назревающая революция и гражданская война сметут с лица земли процветающие колонии и тысячи немцев – граждан России, внесших неоценимый вклад в развитие производительных сил страны, эмигрируют в Германию в соответствии с Брест-Литовским договором.

Была ли Российская империя "тюрьмой народов" для немецких колонистов? Нет. Для подавляющей части немецкого колониистского населения она была землей обетованной, где осуществлялись самые смелые мечты на протяжении почти 140 лет – вплоть до конца XIX в. Конечно, не все сразу складывалось благополучно: были неудачи в освоении земель из-за незнания природных и климатических особенностей, местной агротехники, которую еще предстояло разработать, были болезни и смерти от специфических инфекций, конфликты с окружающим населением, набеги кочевников и разорение хозяйства и многое другое. Но неизменным было одно – протекционистская, вернее, патерналистская политика русских царей. Политика эта заключалась в систематическом ведении колониационного дела, в организации общины на основе самоуправления, в величайшем уважении к этническим культурным традициям, к религиозным верованиям, в освобождении от воинской повинности и гражданской службы, что позволяло при высокой рождаемости (самой высокой в России) сохранять трудовые ресурсы в колониях.

В совокупности своей немецкие колонии, как уже отмечалось выше, были "государствами в государстве". Экономическому расцвету их в немалой степени содействовали замкнутость, изоляция от других национальных сообществ. Жизнь в колонии была устроена на основе национальных традиций, с учетом национальной психологии. Колонисты не знали стрессов, связанных с грубым разрушением их национальной самобытности. Все идет у них "...по старому, по традиции, по-немецки, – писал очевидец, – ничто не может внести в эту замкнутую среду и изолированную жизнь какого-либо новшества. Общество у них чисто немецкое, волостное и сельское начальство – немцы, волостные судьи – немцы, разные выборные должности – все немцы... Национальное единство, цельность и солидарность немцев, зависящее и от того, что их никто не тревожил, не рвал на части, не разбивал на группы и не вносил ничего стороннего"⁶².

Примечания

¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27–28. М., 1994. С. 93–94.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XVI. СПб., 1830. С. 313–316.

³ Там же. С. 316.

⁴ Свод Законов Российской Империи. Изд. 1857 г. Т. 12. Ч. II. СПб., 1857. С. 27.

⁵ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). М., 1909. С. 319.

⁶ Цит. по: Писаревский Г. Указ. раб. С. 180.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. М., 1956. С. 357.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Писаревский Г. Указ. раб. С. 181.

- ¹⁰ Там же. С. 158.
- ¹¹ Там же. Приложения. С. 69, 70, 82–83.
- ¹² Полное собрание законов... Т. XVII. С. 316.
- ¹³ Там же. С. 317.
- ¹⁴ Там же. С. 319.
- ¹⁵ *Писаревский Г.* Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. Варшава, 1914. Приложение. С. XVI.
- ¹⁶ Цит. по: *Писаревский Г.* Внутренний распорядок... С. XXVIII.
- ¹⁷ Там же. С. XXVII.
- ¹⁸ *Клаус А.* Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. СПб., 1869. С. X.
- ¹⁹ *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации... С. 299–303.
- ²⁰ *Соловьев С.М.* Указ. раб. С. 28.
- ²¹ Архив Государственного Совета. Т. 3. Царствование Императора Александра I (1801–1810). Ч. 2. СПб., 1878. Стб. 414–415.
- ²² *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации... С. 319.
- ²³ *Велицын А.А.* Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб., 1893. С. 87.
- При подготовке данной статьи использованы монографии А. Велицына и И. Сергеева. Их теоретические построения по немецкой колонизации в известной мере носят тенденциозный характер. Но официальная статистика, на которую они опираются, не вызывает сомнения, и поэтому автор счел возможным использовать статистический материал из этих публикаций.
- ²⁴ Полное собрание законов... Т. XXIV.
- ²⁵ *Велицын А.А.* Указ. раб. С. 89.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Сергеев И.И.* Мирное завоевание России немцами. Пг., 1917. С. 37.
- ²⁸ *Велицын А.А.* Указ. раб. С. 125, 128.
- ²⁹ Подсчитано по: *Клаус А.* Указ. раб. Приложение II. С. 12, 20, 27–30, 42.
- ³⁰ *Сергеев И.И.* Указ. раб. С. 37.
- ³¹ Там же. С. 38.
- ³² Цит. по: *Сергеев И.И.* Указ. раб. С. 9.
- ³³ *Егоров А.М.* Описание хозяйства меннонитов. М., 1881. С. 6.
- ³⁴ Там же. С. 6–7.
- ³⁵ *Шелухин С.* Закон 14-го июня 1910 г. и поселяне-собственники (колонисты). Одесса, 1913. С. 18.
- ³⁶ Подсчитано по: *Сергеев И.И.* Указ. раб. С. 48.
- ³⁷ Там же. С. 49.
- ³⁸ *Шелухин С.* Указ. раб. С. 22.
- ³⁹ *Постников В.* Южно-русское крестьянское хозяйство. М., 1891. С. 291–292.
- ⁴⁰ *Шелухин С.* Указ. раб. С. 22.
- ⁴¹ *Сергеев И.И.* Указ. раб. С. 41.
- ⁴² *Шелухин С.* Указ. раб. С. 5.
- ⁴³ Там же. С. 5–6.
- ⁴⁴ Там же. С. 6–7.
- ⁴⁵ *Сергеев И.И.* Указ. раб. С. 55.
- ⁴⁶ Там же. С. 25.
- ⁴⁷ *Шелухин С.* Немецкая колонизация. Одесса, 1915. С. 39.
- ⁴⁸ *Ипатов А.Н.* Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978. С. 90.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Корнис И.* О состоянии хозяйства в Молочанских меннонитских колониях в 1843 г. // Журнал Министерства государственных имуществ. СПб., 1844. Ч. XI. С. 142.
- ⁵¹ *Панкратова А.М.* Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60-е годы XIX в.) // Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 196.
- ⁵² Там же. С. 197, 203.
- ⁵³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 165.
- ⁵⁴ *Темный В. (Гузов В.Т.)* Великая раба. М., 1915. С. 27, 30.
- ⁵⁵ *Чеботарева В.Г.* "Немецкий вопрос" в исторической литературе России (конец XIX – начало XX вв.) // Немецкий российский этнос: веки истории. Матер. научн. конф. Москва, 24–25 июня 1993 г. М., 1994. С. 6–36.
- ⁵⁶ Государственная Дума. IV созыв. Стенографический отчет. 1915. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 1186.

⁵⁷ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) // Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 36–53.

⁵⁸ Резанов А.С. Немецкие зверства. Пг., 1914. С. 15–16.

⁵⁹ Цит. по: Аристова Т. Надгробие – неопровержимый исторический документ. Памяти жертв Талергофа // Независимая газета. 1994, 3 сентября.

⁶⁰ Горец Е. Изменники и предатели России. М., 1917. С. 24.

⁶¹ Шульгин В.В. Дни. Л., 1927. С. 72.

⁶² Шелухин С. Немецкая колонизация... С. 48.

Germans' colonies in russian empire – «states within a state»

The author strongly opposes a rather widespread cliché «Russia is a prison of peoples"» As an argument for her position, V.G. Chebotarieva takes under consideration the history of ethnic Germans in Russia in XVIII – early XX centuries.

V.G. Chebotarieva